

Глава 11. Древний Китай: формирование основ государства и общества

В отличие от Индии Китай – страна истории. Начиная с глубокой древности умелые и старательные грамотеи-летописцы фиксировали на гадательных костях и панцирях черепах, бамбуковых планках и шелке, а затем и на бумаге все то, что они видели и слышали, что происходило вокруг них и заслуживало упоминания. Отсюда – гигантское, практически необозримое количество письменных источников, которые, в сочетании с обильными данными археологии, дают богатый материал для реконструкции политических событий, социальных процессов, мировоззренческих идей. Не все источники и далеко не во всем заслуживают полного доверия: стоит напомнить, что значительная часть текстов – прежде всего трактаты религиозно-этического содержания, но частично также и исторические сочинения – имеет явно дидактический характер. Одно несомненно: все древнекитайские тексты, или почти все, сыграли огромную роль в последующей ориентации страны и народа, китайской цивилизации. Канонизированные потомками такие тексты, и прежде всего те из них, в которых излагались учение древнекитайского мудреца Конфуция и связанный с этим учением взгляд на вещи, на мир, на человека, на общество и государство, сыграли в истории и культуре Китая не меньшую роль, нежели доктрины брахманизма, буддизма и индуизма в судьбах Индии. И хотя между китайским и индийским взглядами на мир было нечто общее в самом глубинном мировоззренческом аспекте – именно то, что отличало Индию и Китай в этом плане от ближневосточно-средиземноморской системы мировоззренческих ценностей, – китайская цивилизация всегда была уникальной и во многом расходилась со всеми остальными, включая и индийскую. А по некоторым пунктам разница между Китаем и Индией была огромной.

Начать с того, что если в Индии определенный кармой и пожизненно фиксированный социальный статус индивида почти не предоставлял простора для престижных устремлений и это сыграло существенную роль в устремлении людей в сторону поиска мокши и нирваны, в направлении к впечатляющим, но практически мало полезным упражнениям и ухищрениям аскезы и йоги, то в Китае, напротив, каждый всегда считался кузнецом своего счастья в земной жизни. Социально-политическая активность, едва заметная в Индии, здесь была – как, впрочем, и на Ближнем Востоке и тем более в Европе – основой стремления к улучшению жизни и личной доли каждого. При этом характерно, что если в ближневосточно-средиземноморском регионе такого рода активность со временем стала всерьез подавляться религией, призывавшей к царствию небесному либо настаивавшей на божественном предопределении (именно такого рода идеи были характерны для мировых монотеистических религий, христианства и ислама), то в Китае активный акцент на поиски земного счастья, сделанный еще Конфуцием, продолжал неизменно существовать всегда. И это далеко еще не достаточно отмеченное специалистами обстоятельство сыграло существенную роль как в истории страны, так и в жизни ее народа, социальную активность которого трудно переоценить. Можно сказать, в частности, что именно с древности ведется отсчет небывалой насыщенности китайской истории массовыми народными движениями. В этом же корни столь заметной и типичной

именно для Китая социальной мобильности.

Возникновение китайской цивилизации

Династия Шан-Инь и проблема Ся

Общество Шан-Инь и чжоусцы

Китай в период Западного Чжоу (1027-771 гг. до н. э.)

Упадок власти вана и укрепление уделов

Восточное Чжоу. Период Чуньцю (VIII-V вв. до н. э.)

Возникновение китайской цивилизации

Древнекитайский очаг земледельческого неолита возник примерно в VI–V тысячелетиях до н. э. в бассейне Хуанхэ. Это хорошо известная специалистам культура Яншао. Расписная керамика и навыки выращивания зерновых культур, прежде всего чумизы, равно как и знакомство с одомашниванием скота (свинья), позволяют, наряду с некоторыми другими аналогичными факторами, ставить вопрос о ее генетической связи с аналогичными культурами расписной керамики более западных регионов, в частности ближневосточного, где происходила неолитическая революция и откуда шло массовое расселение неолитических земледельцев. И хотя этот взгляд на генезис китайского неолита вызывает возражения, значимость которых усилилась за последние годы в связи с открытием юго-восточного азиатского центра незернового земледельческого неолита (таро, ямс, батат, бобовые), тем не менее многое, включая и некоторые новые археологические раскопки в западных районах Китая, по-прежнему говорит о том, что своими навыками в сфере зернового земледелия и тем более практикой росписи и формами орнамента на керамике культура Яншао обязана более ранним западным вариантам единой серии культур расписной керамики Евразии.

Специальное изучение проблем генезиса китайской цивилизации показало, что и последующие кардинальные нововведения в сфере материальной культуры были связаны, по меньшей мере частично, с инфильтрациями извне. Речь идет не о миграциях в массовом масштабе; миграции были, видимо, минимальными. Хорошо известно, что преобладающим расовым типом на древнекитайской равнине издревле были монголоиды (вкрапления европеоидно-австралоидных расовых типов единичны), и именно это весьма существенно отличает древнекитайский очаг цивилизации от всех остальных, по крайней мере в Старом Свете. Но, несмотря на это, воздействия извне играли едва ли не решающую роль как в процессе трансформации культуры Яншао в неолит черно-серой керамики луншаньско-луншаноидного типа, для которого были характерны ближневосточные виды злаков (пшеница, ячмень) и породы домашнего скота (корова, овца, коза), гончарный круг и иные нововведения, к тому времени (II тысячелетие до н. э.) уже хорошо известные к западу от Китая, так и при переходе от неолита к эпохе бронзы.

Бронзовый век в Китае зафиксирован археологами с середины II тысячелетия до н. э., причем как темпы его появления и расцвета, так и высокий уровень бронзолитейного дела в сочетании с рядом иных важных нововведений, как, например, письменность, практика строительства пышных дворцов и сооружения гробниц, искусство резьбы по камню, высококачественная отделка утвари, украшений, оружия и многие иные аксессуары развитой урбанизации, позволяют предполагать, что цивилизация бронзового века в Китае (эпоха Шан-Инь) очень многим обязана культурным влияниям извне. Если учесть, что иньцы были монголоидами, трудно опять-таки говорить о миграциях в сколько-нибудь существенных размерах наподобие, скажем, арийской в Северной Индии. Но несомненно, что в какой-то степени такого рода миграции все же имели место. Об этом наиболее убедительно свидетельствуют иньские боевые колесницы, запряженные лошадьми. Ни лошадей, ни колесниц доиньский Китай не знал, но зато и то, и другое было хорошо известно в ближневосточной древности, о чем уже упоминалось. Идентичность иньских колесниц индоевропейским ныне уже совершенно очевидна для специалистов, и это, в сочетании с данными некоторых лингвистических исследований о наличии в древнекитайской лексике определенного количества индоевропейских корней, позволяет с немалой долей уверенности предполагать, что мигрировавшие в сторону Средней Азии в середине II тысячелетия до н. э. индоевропейские племена могли сыграть определенную роль в процессе генезиса китайской цивилизации, представляющей ныне перед наукой в виде раскопанного археологами иньского городища в Аньяне (XIII–XI вв. до н. э.) и всей династии Шан-Инь.

Династия Шан-Инь и проблема Ся

Древнекитайская историографическая традиция начинает историю Китая с описания периода правления пяти легендарных императоров, эра владычества которых воспринимается как золотой век мудрости, справедливости и добродетели. Мудрец Яо передал свой престол способному и добродетельному Шуню, а тот – великому Юю, начиная с правления которого власть стала передаваться по наследству. Юй считается основателем первой в китайской традиции династии Ся.

В общих чертах это предание вполне вписывается в закономерность трансформации избираемого на основе принципа меритократии правителя в наследственного монарха,

о чем уже шла речь. Но вопрос об историчности династии Ся вызывает, тем не менее, определенные сомнения. Китайская историографическая традиция считает, что эта династия правила Китаем на протяжении ряда веков в конце III и начале II тысячелетия до н. э., пока ее последний недобродетельный представитель Цзе не растерял свой авторитет и не лишился поэтому морального права управлять Поднебесной, тогда он и был побежден добродетельным иньским Чэн Таном, основавшим новую династию. Это предание со всеми его деталями – важность авторитета и добродетельности для сохранения и приобретения права на власть – тоже вполне соответствует реально существовавшей норме. Так в чем же сомнения

Следует заметить, что аутентичные иньские источники, надписи на гадательных костях и черепашьих панцирях, ничего не говорят о подобного рода преданиях. Более того, вообще не упоминают о Ся, не используют этого знака для обозначения государства либо династии и не содержат никаких данных о том, что такого рода государство (или династия) когда-либо существовало в Китае до Шан-Инь, даже под иным именем. При всем том, что иньские надписи содержат весьма много сведений о соседних народах и взаимоотношениях с ними на протяжении ряда веков, такое умолчание красноречиво. Конечно, не исключено, что иньцы до оседания их в бассейне Хуанхэ и тем более в районе Аньяна, где они оказались не сразу, имели столкновения с иными обитавшими в этом регионе народами, может быть даже и протогосударствами. Возможно, эти столкновения привели к гибели какие-то более или менее известные и даже достаточно долго существовавшие протополитические и политические структуры, воспоминания о которых впоследствии легли в предание о Ся. И далеко не случайно китайские археологи почти каждую из вновь обнаруживаемых в бассейне Хуанхэ ранних бронзовых стоянок или промежуточных между Луншань и Шан-Инь культур рассматривают в качестве возможных кандидатов на отождествление с Ся. Но, во-первых, доказать это практически невозможно, пока не обнаружены надписи, которые позволили бы уверенно отождествить что-либо с Ся. А во-вторых, есть серьезные основания полагать, что такого Ся, о котором говорят более поздние предания, вообще не существовало. Известно, что в начале Чжоу, когда предания записывались, термином Ся обозначалась совокупность китайских земель и населения. Не исключено, что вторжение иньцев в бассейн Хуанхэ и приход их в район Аньяна со временем и были осмыслены как замена одних (Ся) другими (иньцами).

Проблема Ся, немаловажная сама по себе, весьма значительна еще и как своего рода лакмусовая бумага, которая выцвечивает характер и принципы составления древнекитайских источников, соотношение достоверности и дидактической заданности в некоторых из них. Что-то существовало реально, что-то было со временем домыслено в соответствии с уже возникшими и ставшими нормой представлениями о том, как именно это должно было бы быть. Потом то и другое обобщается, причем не в форме бесстрастной летописи, а в виде дидактического назидания с явственным ритуально-этическим подтекстом. Возникает текст, впоследствии канонизируемый и воспринимаемый всеми как святая истина, как стоящая вне сомнений догма. Текст живет, обрастает комментариями, доживает до наших дней. Многое в нем достоверно и может быть косвенно подтверждено археологией, аутентичными надписями. Авторитет текста растет. Но все ли в нем столь же истинно, как то, что может быть подтверждено. Пример с Ся – а казусов такого рода древнекитайская историографическая традиция знает немало – убедительно говорит в пользу сомнений.

Как бы то ни было, но одно несомненно: в конце эпохи неолита в луншаньско-луншаноидной неолитической среде земледельцев бассейна Хуанхэ появляется достаточно развитая бронзовая культура Шан-Инь. Появляется не сразу, но как бы волнами: одни стоянки и городища демонстрируют менее развитый комплекс бронзовой культуры, другие – тот же комплекс, но с рядом принципиально новых и важных нововведений, которые едва ли могли спонтанно вырваться за те немногие два-три века, которые отделяют друг от друга ранние и поздние иньские городища. Позднее аньянское городище демонстрирует явное превосходство иньцев над окружающими их племенами. Оно проявлялось и в обладании высококачественной боевой техникой (колесницы, обилие бронзового оружия), и в наличии развитой иероглифической письменности, и во многом другом. Иньская общность осела в районе Аньяна, причем есть основания полагать, что после этого (нам неизвестно, сколь велика была иньская общность, через какой процесс ассимиляции с местным населением она прошла перед тем, как осесть в Аньяне) достаточно быстро сложилось крупное политическое образование типа сложного составного протогосударства во главе с всевластным правителем, подчинившим своему влиянию довольно обширную тяготевшую к иньцам и их культуре периферию.

Имеющиеся данные позволяют заключить, что в XIII–XII вв. до н. э. политическая структура Инь подразделялась на три неравные и структурно неодинаковые части. Первая – внутренняя зона с центром в столице. Зона находилась под непосредственной юрисдикцией правителя-вана и его центральной администрации. Трудно с уверенностью отождествлять аньянское городище со столицей Шан (для этого есть некоторые сомнения), но в любом случае столица Шан была где-то здесь же, рядом. О ней есть масса материалов в гадательных надписях, обнаруженных в Аньяне. О ее облике свидетельствуют обнаруженные археологами изделия из царских гробниц и менее пышных могильников, раскопанных близ Аньяна. Вторая зона – промежуточная. Она состояла из окружавших столицу Шан многочисленных региональных подразделений, управлявшихся титулованными местными правителями, подчиненными правителю-вану (в их числе были и родственники вана, подчас и его жены). В надписях много материалов о таких подразделениях, а точнее – о связях их с центром, об информации с мест и руководящих указаниях вана. И наконец, третья зона – внешняя. Она состояла из различных племен, правители которых в какой-то мере признавали авторитет иньского вана, но вели себя независимо по отношению к нему. Строгой границы между второй и третьей зонами не было. Подчас вчерашний региональный вассал-администратор мог сегодня выступить против вана в союзе с кем-либо из независимых племенных вождей внешней зоны. Любой из этих последних мог вступить с иньским ваном в более тесный контакт и стать его вассалом. В целом, однако, можно заметить, что разница между промежуточной и внешней зонами была в том, что первую населяли иньцы, тогда как внешнюю неиньские племена. Именно поэтому существовала и своего рода закономерность: чем ближе к столице, тем более гомогенно местное население, теснее его связь с центром, очевиднее его зависимость от вана, от помощи вана, включая и военную.

Правитель-ван, возглавлявший всю структуру, был одновременно и первосвященником, т. е. символизировал своей персоной сакрально-связующее единство складывавшейся и разраставшейся иньской общности. Должность его была наследственной, но практика наследования находилась еще в процессе становления: так, век-полтора, вплоть до

периода правления последних четырех ванов, право на освободившийся престол обычно оспаривали представители старшего поколения в клане вана, его братья и кузены, но не сыновья. Только при последних четырех правителях прочно установилась система наследования от отца к сыну – система, ставшая нормой в Китае. Параллельно с этим шел процесс отпочкования в клане вана знатных субкланов-цзу, значительная часть которых специализировалась в сфере военного дела.

Система администрации в Шан-Инь, известная в основном опять-таки по данным гадательных надписей, свидетельствует о том, что в центральной столичной зоне на долю вана и его аппарата администрации выпадали заботы об урожае, подготовке и расчистке полей, о решении других важных хозяйственных вопросов, а также о защите тех или иных региональных подразделений и окраин от вторжений варварских племен. Анализ терминов показывает, что администрация делилась на три основные категории – высших администраторов-сановников, низших чиновников-распорядителей, а также должностных лиц, отвечавших за военную подготовку и охоту, что было очень важной и особой сферой деятельности иньской знати (к этой категории администраторов и служащих относились, в частности, оружейники, конюшие, псаря и др.).

Содержался весь этот аппарат администрации и обслуживания верхов за счет избыточного продукта коллектива, редистрибуция которого была одной из функций власти. За этот же счет содержались многочисленные ремесленники разных специальностей, работавшие под началом своих старших, которые включались в число чиновников вана и отвечали перед ним за работу своих подопечных. Вся ремесленная продукция использовалась в централизованном порядке, примерно так, как это было в царско-храмовых хозяйствах Древнего Египта или Двуречья. Во время раскопок близ Аньяна был обнаружен склад, в котором хранилось до 3,5 тыс. каменных серпов, и это безусловно свидетельствует о централизованно регулируемом характере земледельческих работ на совместно обрабатывавшихся полях. Можно добавить к сказанному, что книга песен Шицзин также упоминает о больших полях, обрабатывавшихся коллективами крестьян под контролем надсмотрщиков. Пусть это не было столь зловеще-символическим, как в изображениях на древнеегипетских рельефах (человек с палкой или кнутом), но сам факт достаточно красноречив: на иньских полях были надсмотрщики. Надписи именуют их обычно термином сяо-чэнь, иногда другими терминами.

Хотя гадательные надписи почти ничего не говорят о формах общинной организации иньского населения, можно с уверенностью сказать, что община в иньское время существовала. Надписи обозначают поселения термином “и”. Население этих “и” обрабатывало, видимо, свои поля, а формой извлечения избыточного продукта была скорее всего отработка крестьян или их представителей на больших совместно обрабатывавшихся общественных полях – тех самых, забота о содержании которых была одной из важных функций вана и его помощников. Из надписей типа: “Ван отдал приказ чжун-жэнь: „Совместно трудитесь на полях, тогда получим урожай“” – явствует, что о вспашке некоторых из этих общих полей заботился лично ван, а обработка их казенным инвентарем дает основание полагать, что для этой работы привлекались трудившиеся в порядке повинности общинники, о чем только что упоминалось. Впрочем, не исключено, что эти поля обрабатывались теми иньцами, которые находились в особом положении, т. е. были как бы приписаны к большим полям (опять-таки по аналогии с теми неполноправными, кто обрабатывал поля в царско-храмовых

хозяйствах древнего Ближнего Востока). К сожалению, данных на этот счет нет.

Судя по всему, иньцы жили компактным и этнически гомогенным (во всяком случае, в пределах столичной, да и, видимо, промежуточной зоны) коллективом одноплеменников, сплоченных совместной обрядово-культурной практикой, жертвоприношениями в честь их общих предков, божеств и духов. Как и индоарии, иньцы практиковали человеческие жертвы, для чего использовались чаще всего пленные иноплеменники из числа западных соседей иньцев – цян. “Принести в жертву предку Дину 300 цян”, – гласит одна из многих аналогичных надписей. В промежутках между очередными жертвоприношениями пленных цян подчас использовали на тяжелых работах, как, например, для расчистки земли под пахотные поля, но сообщения на эту тему единичны и не очень понятны.

Ясно, однако, что жертвоприношениям в честь умерших предков-правителей, обожествленных ванов, иньцы уделяли огромное внимание – как и вообще ритуалам и обрядам, в частности обряду общения с теми же умершими ванами. Собственно, именно для нужд регулярной связи с покойными предками, от воли и поддержки которых, по представлениям иньцев, зависело нормальное существование коллектива, и использовались гадательные кости. Информировав предков о положении и текущих нуждах, обращаясь к ним с просьбами в трудную минуту, иньцы записывали на специально обработанных бараньих лопатках и панцирях черепах суть дела и проводили обряд гадания. Так и возникали те надписи, полторы сотни тысяч которых ныне являются важнейшим источником эпохи Шан-Инь.

Общество Шан-Инь и чжоусцы

Будучи сильным и процветающим протогосударством, окруженным разноплеменным населением, более отсталым как в военном, так и в других отношениях, иньцы вели активную внешнюю политику, включая войны и расширение своих территорий за счет соседей. Наибольшего могущества они достигли при У Дине, за долгие десятилетия правления которого военные экспедиции следовали одна за другой, причем крупнейшую из них (13 тыс. войска) возглавила жена У Дина по имени Фу Хао, которая, судя по некоторым данным, была, кроме всего, еще и правительницей одного из региональных подразделений промежуточной зоны. Вооруженная боевыми колесницами, состоявшая

из профессиональных лучников и копейщиков и оброставшая в случае нужды мобилизованными крестьянами-общинниками, иньская армия была достаточно грозной боевой силой, державшей в повиновении соседей внешней зоны, часть которых предпочитала вассальные связи и тесный контакт с Инь опасности подвергнуться разрушительному опустошению со стороны иньского войска в случае конфликта. К числу таких соседей, племен внешней зоны, вступивших в контакт с Шан-Инь и многое заимствовавших у иньцев, относились чжоусцы. Чжоуские предводители, признав сюзеренитет иньского вана, получали от него утверждение в их титулах, а в конце Инь приобрели даже весьма престижную должность си-бо ("властитель Запада"). Благодаря этому они сумели укрепиться и затем создать коалицию племен, которая в конечном счете и разгромила Шан-Инь. Впервые си-бо стал чжоуский вождь Цзи Ли, взявший себе жену из Инь. И хотя успехи Цзи Ли по сколачиванию коалиции под своим началом завершились печально (по приказу иньского вана он был убит во время очередного визита с данью ко двору вана), его дело продолжил сын и наследник Цзи Ли по имени Чан – будущий знаменитый чжоуский Вэнь-ван. Умный и дальновидный Чан действовал скрытно и осторожно. Оказавшись в плену у вана, он сумел откупиться и продолжить деятельность по объединению недовольных владычеством иньцев племен, коалиция которых в середине XI в. до н. э. была уже грозной силой. Сам Чан не успел довести замысел до конца, зато это дело завершил его сын, который в решающей битве при Муе в 1027 г. до н. э. разгромил Шан-Инь и провозгласил себя новым властелином под именем У-ван.

Китай в период Западного Чжоу (1027-771 гг. до н. э.)

Немногочисленное племя Чжоу, разгромив иньцев, оказалось во главе крупного военно-политического объединения, пределы которого вышли далеко за рамки прежней территории Шан-Инь и практически охватили почти весь бассейн Хуанхэ. Перед чжоускими вождями встала нелегкая задача организовать управление многочисленным подчиненным им гетерогенным населением, наиболее крупную и развитую часть которого составляли иньцы. Решая вставшие перед ними проблемы, предводители чжоусцев и прежде всего оказавшийся у власти после смерти У-вана регент при малолетнем Чэн-ване, его дядя Чжоу-гун, направили основное усилие на быстрое и

всестороннее усвоение наследия Инь и распространение этого наследия на всю завоеванную территорию. Расчленив и расселив иньцев на новых землях, Чжоу-гун значительную часть их разместил в центре созданного им военно-политического образования, в районе Лои, где искусными иньскими мастерами была выстроена для чжоусцев новая столица (Чэнчжоу – в отличие от прежней, Цзунчжоу), ставшая местопребыванием немалой части чжоуской администрации, а также главным военным центром: здесь, в частности, располагались восемь так называемых “иньских” армий, состоявших, видимо, из перешедших на службу к чжоусцам профессиональных иньских воинов. Остальная часть администрации, еще шесть армий и сам ван со всем его двором продолжали, однако, жить в Цзунчжоу, т. е. на западе страны, в районе прежних родовых поселений чжоусцев, откуда и пошло наименование описываемого периода (Западное Чжоу).

Усилиями первых чжоуских правителей, в основном все того же Чжоу-гуна, чжоусцы за несколько десятилетий сумели укрепить и легитимизировать свою власть. Во-первых, была выработана концепция этически детерминированного права на власть, т. е. учение о Мандате Неба (тянь-мин), согласно которому Небо вручает мандат на управление Поднебесной добродетельному правителю, лишая тем самым власти недобродетельного. С этой точки зрения была подвергнута официальному пересмотру вся предшествующая и смутно известная чжоусцам история: согласно концепции Чжоу-гуна, зафиксированной в ранних главах книги исторических преданий Шуцзин, некогда на территории Китая существовала династия Ся, имевшая законное право на власть, но лишившаяся этого права потому, что последний ее представитель Цзе утратил добродетель и вел себя недостойно. Именно вследствие подобного хода событий, санкционированного Небом, власть оказалась в руках основателя династии иньцев Чэн Тана. Иньцы долго владели небесным мандатом, но последний иньский правитель Чжоу Синь в силу опять-таки своей недобродетельности утратил право на него, в результате чего великий Мандат Неба оказался в руках правителя чжоусцев Вэнь-вана. Концепция Мандата Неба – едва ли не первая в истории Китая сознательно созданная и хорошо логически обоснованная социально-политическая теория – сыграла решающую роль в легитимизации власти немногочисленного племени завоевателей-чжоусцев: право их на власть оказалось неоспоримым потому, что оно было санкционировано самим Небом, ставшим верховным божеством в Китае. Небо же санкционировало эту власть не потому, что чжоусцы оказались сильнее других, а вследствие того, что на их стороне были мудрость и добродетель.

Во-вторых, защитившись легитимной идеей, чжоусцы сумели наладить эффективную централизованную администрацию, опиравшуюся на 14 армий центра в двух столицах. В функции этой администрации, представленной сановниками и чиновниками различных категорий – как заимствованных у Шан-Инь, так и созданных заново, частично на чжоуской основе, – входило управление земледельческим хозяйством на больших общих совместно обрабатывавшихся полях в зоне расселения самих чжоусцев, руководство ремеслом и строительством, обеспечение притока налогов и дани с нечжоуских племен, включая иньцев, а также выполнение военных, судебных, редистрибутивных и многих иных обязанностей. На административные должности обычно назначались имевшие способности и заслуги аристократы, прежде всего из числа чжоуской и иньской родовой знати. Отправление высших должностей обычно было наследственным, но это не являлось строгой нормой: есть сведения, что способных администраторов не раз

передвигали вверх по служебной лестнице.

Наконец, в-третьих, решение проблемы власти на местах чжоусцы нашли в частично заимствованной у иньцев, частично разработанной ими самими системе наследственных уделов, пришедших на смену иньским регионально-вассальным подразделениям промежуточной зоны. Об этой важной системе, сыгравшей едва ли не решающую роль в истории чжоуского Китая, следует сказать особо.

Сущность системы сводилась к тому, что вся гигантская периферия Чжоу, т. е. та часть заселенной различными племенами территории, которая не примыкала к обеим столицам, но считалась находившейся под непосредственным политическим контролем чжоусцев, делилась на уделы, предоставлявшиеся в наследственное владение и управление родственникам и приближенным правителя. Источники упоминают о 70 с небольшим таких уделах, подавляющее большинство (53–55) которых было пожаловано братьям, сыновьям и племянникам первых чжоуских правителей, включая и регента Чжоу-гуна. пожалование удела предусматривало предоставление новому владельцу исключительного права господства над всей управляемой территорией и над обитавшим там или переселенным туда населением. Существует немало документов типа инвеституры (введение в право владения – обычно это надписи на бронзовых ритуальных сосудах), детально описывающих состав пожалования с перечислением земель, поселений, племенных групп, регалий, ритуальной утвари и прочего имущества, передающегося новому владельцу удела.

Как правило, вместе с ним на новое местожительство направлялась и дружина воинов-чжоусцев (“люди вана” обычно упоминаются при перечислениях в записях), которая призвана была являть собой социально-политическую опору нового владельца удела, костяк чжоуского господства там. Тем самым немногочисленный чжоуский контингент создавал то этнически и политически господствующее ядро, ту группу тесно связанных друг с другом родственников и соплеменников, благодаря существованию которой правящий клан в новом уделе не только сравнительно легко упрочивал свою власть, но и оказывался ведущим в процессе постепенной этнической консолидации в рамках удела.

Система уделов была вынужденной формой политической структуры в молодом государстве, гигантская территория которого с неразвитой инфраструктурой и примитивным механизмом редистрибуции явно не соответствовала стремлениям малочисленной этнической группы чжоусцев ее возглавлять и контролировать. Эффективность аппарата центра была достаточна для контроля в рамках двух столиц и общего руководства. Руководство же на местном уровне должны были взять на себя как раз те чжоусцы, которым и были пожалованы уделы. Владельцы уделов на первых порах являли собой администраторов-наместников, комендантов чжоуских гарнизонов в иноплеменном окружении. Естественно, все они были тесно связаны с центром, зависели от его помощи и военной поддержки в случае нужды. Логично и закономерно, что эта связь подчеркивала и освящала величие власти вана, неприкосновенность его статуса и функций в качестве всеобщего сюзерена, верховного правителя, носителя небесного мандата, “сына Неба” (тянь-цзы) – этим титулом официально именовались чжоуские правители. Упомянутая связь реально подкреплялась спорадическими инспекционными поездками вана или его представителей в уделы, т. е. повседневным контролем центра, а также визитами владельцев уделов ко двору с данью и подарками, своего рода отчетами о деятельности. В функции центра входило, особенно на первых

порах, также и введение в права владения наследников умерших правителей, что обычно совершалось в форме торжественного церемониала с клятвами и напутствиями, нередко при личном участии вана, в одном из столичных храмов.

Если прибавить ко всему сказанному, что в начале Чжоу внешняя периферия широко раскинувшего свои пределы государства отнюдь не была стопроцентно лояльной, то станет очевидным, что для того времени (XI – X вв. до н. э.) система уделов оказалась вполне оправдавшей себя формой привычной региональной администрации, особенно в отдаленных от столиц районах периферийной промежуточной зоны. С годами, однако, ситуация изменялась.

Упадок власти вана и укрепление уделов

Несколько десятилетий стабилизации привели к некоторой трансформации политической администрации в Чжоу. На смену первым сильным правителям пришли более слабые их преемники, привычно опиравшиеся на существующую систему власти. Однако эффективность далеко еще не институционализированной централизованной власти была связана не столько с сохранением статус-кво, сколько с энергичными волевыми действиями, при отсутствии которых система в целом начинала давать сбои, а воплощенная в уделах тенденция к дезинтеграции наращивала силу. Эта сила стала особенно заметной с начала IX в. до н. э.

Пережившие процесс внутренней консолидации уделы, особенно сравнительно отдаленные от столиц и потому более независимые от центра, понемногу укреплялись. Правители их в 4–6-м поколениях уже чувствовали себя полными хозяевами в своих уделах, воспринимая их в качестве вотчины, родной земли. Их подданные, также давно уже прошедшие период первичной адаптации и ассимиляции, единодушно воспринимали своего удельного правителя как естественного и единственно возможного вождя. Внутренние связи в уделах усиливались за счет разраставшихся семейно-клановых генеалогических уз, которые тщательно культивировались в практике чжоуского Китая и благодаря которым пестрый этнический конгломерат за век-два становился спаянным разветвленной сетью родства мощным коллективом, во главе которого по принципу конического клана оказывался опять-таки глава удела, титулованный аристократ, владетельный правитель значительной родовой территории

со все возрастающим населением.

Уделы не были одинаковыми. Одни из них с самого начала были крупнее соседних, что помогало им быстрее расти и легче одолевать соперников в междоусобных схватках. Другие были выгодно расположены, что позволяло им богатеть или приращивать земли за счет более слабых соседей. Третьи, окраинные, смело увеличивали свои пределы за счет войн с племенами внешнего пояса. Четвертые, напротив, оказывались зажатые более сильными соседями и в неравной борьбе постепенно теряли наследие отцов. Словом, общей динамикой было постепенное сокращение числа первоначальных уделов с одновременным укреплением уцелевших и удачливых, и это привело к усилению нескольких крупных уделов, политика и междоусобная борьба которых при слабых правителях второй половины Западного Чжоу задавали тон в политической жизни чжоуского Китая.

Первым признаком того, что некоторые из уделов в состоянии уже потягаться с самим чжоуским ваном, было выступление правителя одного из уделов, Э-хоу, против Ли-вана в середине IX в. до н. э. И хотя мятеж Э-хоу объединенными усилиями центра с его армиями и ряда вассальных удельных правителей был подавлен, сигнал оказался тревожным. Не исключено, что все эти события сыграли определенную роль в том, что непопулярный Ли-ван вскоре был низложен. На протяжении 14 лет престол находился в руках двух гунов-регентов, после чего на него был возведен подросток Сюань-ван, сын Ли-вана. Учтя уроки недавнего прошлого, Сюань-ван попытался было провести ряд реформ, направленных на усиление центральной власти. Ему, в частности, принадлежит инициатива введения новой системы налогообложения: известно, что именно он настаивал на учете податного населения и что в период его правления в текстах стал употребляться знак “чэ” для обозначения понятия налог. Однако реформы наталкивались на сопротивление окружающих и, главное, оказались слишком запоздалыми, чтобы привести к успеху.

Сюань-ван правил достаточно долго (827–781), но государственной мудростью он, невзирая на стремление к реформам, не отличался. Так, например, вместо того чтобы резко ограничить систему обретающих опасную для централизованного государства независимость уделов, он с барской щедростью пошел по пути создания новых: при нем были созданы уделы Чжэн, занявший со временем важное место в системе чжоуских уделов-царств, и Шэнь, сыгравший трагическую роль в судьбе его сына и наследника Ю-вана. Ю-ван, как повествуют источники, поставил свою любимую наложницу выше законной жены, дочери правителя Шэнь, чем вызвал недовольство тестя, который в союзе с соседними варварскими племенами вторгся в Цзунчжоу и сверг Ю-вана. Именно после этого сын Ю-вана, Пин-ван (внук только что упомянутого правителя удела Шэнь), был вынужден в 771 г. до н. э. перенести свою резиденцию в восточную столицу, в Лои, на чем формально и закончился исторический период Западного Чжоу. Земли же в районе старой столицы Цзунчжоу Пин-ван должен был отдать одному из союзников, который на базе этих земель создал новый удел Цинь – тот самый, что спустя полтысячелетия объединил царства чжоуского Китая в рамках единой империи.

Восточное Чжоу. Период Чуньцю (VIII-V вв. до н. э.)

Восточное Чжоу – эпоха упадка власти чжоуских ванов, длившаяся свыше полутысячелетия. Она подразделяется на два важных исторических периода – Чуньцю и Чжаньго. Первый из них, Чуньцю, был ознаменован борьбой между уделами, превращавшимися в мощные политически независимые царства.

Дело в том, что перемещение столицы и переселение вана знаменовали собой признание новой политической реальности. Отныне сын Неба перестал быть всевластным сюзереном, всеми почитаемой вершиной политической пирамиды Чжоу. Теперь власть его по существу ограничивалась лишь пределами его домена – не слишком большой территории вокруг Лои (Чэнчжоу). Как своими размерами, так и политической значимостью домен вана практически не отличался от окружающих его крупных уделов. Неудивительно, что он занимал сравнительно скромное место в политической жизни периода Чуньцю, хотя формально престиж и сакральная святость вана по-прежнему оставались бесспорными, были своего рода “связующим единством” для всего чжоуского Китая. Ведущую же политическую роль в Китае в Чуньцю стали играть наиболее могущественные из уделов, превращавшиеся в крупные царства, такие, как Цзинь, Ци, Чу и Цинь, а также Лу, Сун, Вэй, Чжэн, Чэнь, Янь и некоторые другие.

Перемещение центра тяжести политической жизни из столицы вана ко дворам правителей царств создало на территории бассейна Хуанхэ и прилегающих к нему территорий, постепенно втягивавшихся в зону воздействия китайской цивилизации, эффект полицентризма, многолинейной эволюции. Практически некогда единое западночжоуское государство распалось на ряд крупных и более мелких независимых государств, большинство которых, кроме разве что окраинных полуварварских Цинь и Чу, именовало себя “срединными государствами” (чжун-го) и гордилось своим происхождением от раннечжоуских уделов, своей историей со времен великого Вэнь-вана, воинственного У-вана и мудрого Чжоу-гуна. К слову, именно этот нарочитый акцент на морально-историческое единство, равно как и реальное цивилизационно-культурное единство чжоусцев опирались на ту связующе-символическую основу, которая олицетворялась ваном, сыном Неба, обладателем небесного мандата. Реальный же политический процесс стал не только полицентричным, но и протекал как бы на нескольких различных уровнях параллельно.

На авансцене политической жизни шла энергичная борьба за гегемонию между наиболее влиятельными царствами. В эту борьбу с переменным успехом время от времени вмешивались ван со своим еще сохранявшимся сакральным авторитетом старшего в роде великих чжоуских правителей, а также правители сравнительно

мелких царств и княжеств. Порой активную роль в такой борьбе играли и вторгавшиеся в бассейн Хуанхэ варварские племена жунов и ди, иногда разорявшие целые царства, как это случилось с Вэй. На другом, более низком уровне, т. е. в рамках каждого из царств, особенно крупных, шла своя острая политическая борьба между враждующими аристократическими кланами и возникавшими в рамках царств новыми уделами, причем эта борьба обычно тесно переплеталась с враждой царств между собой, в результате чего затягивались запутанные узлы острых интриг и политических конфликтов. Наконец, на нижнем уровне крестьянской общины протекали свои интенсивные процессы развития. Осваивались новые земли, расселялись и этнически смешивались в ходе расселения выходцы из разных районов, уделов, даже царств. Усиливались внутренние связи между различными частями чжоуского Китая, создавались предпосылки для экономического развития, для процесса приватизации, товарно-денежных отношений, что способствовало сложению фундамента будущей китайской общности.

Все эти проявления генерального исторического процесса, протекавшего в чжоуском Китае в VIII–V вв. до н. э., в свою очередь вели к интенсификации политической жизни, резкому увеличению конфликтов, усилению внутренней борьбы и придворных интриг, причем главной и господствующей тенденцией этого периода стал столь хорошо известный специалистам феномен феодализации. Суть этого явления (речь идет лишь о социально-политическом феномене, но не о социально-экономических отношениях, не о формации, хотя стоит заметить, что ряд китайских историков-марксистов, как, например, Фань Вэнь-лань или Цзянь Бо-цань, видели здесь и феодализм как формацию) достаточно сложна и многогранна, чтобы остановиться на нем специально. Это существенно и потому, что подобный феномен едва ли не ранее всего в мире именно в истории чжоуского Китая проявил себя наиболее ярко, став чем-то вроде эталона феодализации и во многом предвосхитив аналогичные явления в раннесредневековой Европе.

Дело в том, что если в западночжоуском Китае существовала лишь одноступенчатая иерархическая лестница – вану на правах вассалов подчинялись правители уделов, имевшие княжеские титулы гун, хоу, бои др. и именовавшиеся сводным обозначением чжухоу (князья), то теперь иерархия стала многоступенчатой. Во главе Поднебесной по-прежнему стоял ван, сын Неба. Формально его вассалами продолжали считаться правители царств, носившие только что упомянутые титулы, чаще всего “гун”. Им в рамках царств подчинялись в качестве вассалов правители автономных уделов, причем именно это, третье звено иерархической лестницы власти стало в Чунью центром политической активности.

Уделы новой волны, о которых идет речь, обычно давались в пожалование от имени правителя царства его родственникам, чаще всего сыновьям, и заслуженным сподвижникам. Собственно, именно присвоив себе право наделения уделами, до того бывшее исключительной прерогативой сюзерена-вана, правители царств де-факто обрели политическую независимость. Первые уделы такого типа стали создаваться в крупнейшем царстве Цзинь еще в VIII в. до н. э. Затем их начали создавать в Ци, Лу и других царствах. Это жесткие структуры феодально-кланового типа, в каждой из которых глава клана, титулованный аристократ (он имел титул цин), был всемогущим властителем. Стоя во главе тесно спаянного клановым родством удела, такого рода наследственный аристократ обычно приобретал большое влияние в царстве. Он, как

правило, занимал наследственную (чаще всего министерскую по значению) должность, опирался на своих родственников и сподвижников и вел непрестанную борьбу за высокое положение и соответствовавшие ему престиж и влияние с другими соперничавшими с ним удельными аристократами своего царства.

Характерно, что местническая борьба такого рода при слабых правителях царства перерастала в активные, порой даже вооруженные столкновения с соперниками, не говоря уже о придворных интригах. В этой борьбе складывались коалиции, гибли одни и усиливались за их счет другие уделы. Конечный итог борьбы, длившейся практически на протяжении всего периода Чуньцю, в разных царствах бывал различным. В некоторых, как Цинь и Чу, правители царств сравнительно быстро одолевали центробежные силы феодально-удельной знати и превращались во всемогущих правителей. Это был оптимальный итог, так что неудивительно, что именно Цинь и Чу в III в. до н. э. повели между собой последний бой за объединение Китая. В других царствах, как в Ци, борьба вела к усилению отдельных удельных правителей (цинов) и к захвату одним из них трона; в остальных, как в Цзинь или Лу, – к распаду царства на части или к ослаблению царства в связи с разделением его цинами на сферы влияния.

К числу наследственных аристократов принадлежала еще и большая прослойка так называемых да-фу, которые отличались от цинь тем, что не имели собственных владений и вынуждены были добывать себе пропитание и делать карьеру службой, в основном военной. Да-фу – это своего рода древнекитайские рыцари. Среди них были сыновья и внуки тех же правителей и цинь, не говоря уже о самих да-фу.

Особенностью этого слоя было то, что они в условиях постоянных войн достаточно быстро истребляли друг друга, что играло определенную роль для структуры в целом, не создавая излишних проблем с обеспечением аристократов да-фу достойным их образом жизни. Подчас да-фу занимали место цинь и бывали владетельными аристократами, но это бывало лишь в виде исключения. В целом же да-фу занимали ту же ступень, что и цинь. Это была наследственная знать.

Четвертое звено иерархической лестницы феодализировавшейся политической структуры периода Чуньцю являла собой прослойка служивых-ши. Это были представители младших ветвей владетельной знати, выходцы из боковых аристократических линий (да-фу), которые не имели ни титула, ни должности, но были неплохо образованными и имели связи в мире знати. Возможно, к этому разряду людей примыкали и выходцы из низов, сделавшие успешную служилую (военную либо чиновничью) карьеру. Словом, термином “ши” с VIII–VII вв. до н. э. в чжоуском Китае стали обычно обозначать своего рода профессионалов, готовых идти на службу туда и к тем, кто и откуда их позовет. Но это не была служба слуги, низшего обслуживающего персонала. Речь идет о службе иного рода, практически о положении верного и уважаемого вассала, на которого можно положиться и который знает и свято соблюдает еще неписанный, но уже жестко фиксированный в обществе закон чести.

Не имея в своем распоряжении ничего, кроме обеспечивающего их статус закона чести, да-фу и ши строго соблюдали его и выше всего чтили в себе именно это. Суть кодекса аристократической этики, о котором идет речь, складывалась веками и в VII–VI вв. до н. э. обрела уже отточенные формы: строгое соблюдение норм иерархии и вассальных обязательств (я служу своему господину, или, иначе, “вассал моего вассала – не мой вассал”); обязательный учет степени кланового родства в связи с возможными претензиями на должность и власть; преданность господину до конца; принятые нормы

поведения на поле боя, равно как и при исполнении должностных обязанностей; культ аристократизма в жизни, т. е. строгое соблюдение обязательных норм этики в соответствии со своим статусом. Уже упоминалось, что да-фу как особый социальный строй быстро сходили на нет. Однако служивые-ши, количество которых со временем все увеличивалось, превратились в чжоуском Китае в нечто вроде личных дворян и в качестве таковых внесли немалый вклад в его историю. Именно этот низший слой удельно-клановой знати оказался со временем решающим звеном в борьбе правителей за усиление их власти.

Правители царств боролись за гегемонию по меньшей мере с начала VII в. до н. э., когда знаменитый реформатор Гуань Чжун помог усилиться и стать гегемоном-ба своему царственному патрону, цискому Хуань-гуну. После смерти Гуань Чжуна и Хуань-гуна влияние Ци ослабло, а гегемоном-ба вскоре стал цзиньский Вэнь-гун, сумевший в длительной и полной интриг политической борьбе одолеть соперников и создать сильное царство, упрочение власти в котором он видел в том, чтобы не создавать уделы во главе с родственниками, могущими претендовать на трон. Вэнь-гун щедро наделил уделами неродственных ему сподвижников. Но, хотя эта тактика на некоторое время помогла обеспечить власть правителя Цзинь, она в конечном счете привела к банкротству: усилившиеся удельные аристократы, в междоусобной борьбе истребившие друг друга, в конечном счете (речь о троих уцелевших) поделили между собой, как упоминалось, царство Цзинь.

С ослаблением Цзинь уже ни одно из царств реальным гегемоном-ба так и не стало, хотя формально историографическая традиция насчитывает в Чжоу последовательно властвовавших пять гегемонов (остальные трое, чьи имена варьируются, хотя и выделялись на общем фоне, но всеми признанными властителями уже не были). К концу периода Чуньцю более важным было уже не задавать тон на всекитайской арене, т. е. не стремиться к гегемонии, а суметь навести порядок в собственном царстве. Именно это было главной заботой правителей, причем преуспели те из них, кто последовательно вел курс на реформы, суть которых сводилась к укреплению власти центра. Такого рода реформы примерно с VII в. до н. э., предпринятые одна за другой, проводились в различных царствах, причем именно они в конечном счете способствовали трансформации внутренней структуры чжоуского Китая, что, в свою очередь, подготовило и обусловило процесс дефеодализации. Конечным результатом этого процесса стало усиление централизованной власти правителей и объединение Китая, превращение его в империю.